

О товарищах по искусству

КАК СНИМАЮТСЯ В КИНО

На днях одному из патриархов азербайджанского кино, заслуженному деятелю искусства Азербайджанской ССР Алисаттару Атакишиеву исполнилось 80 лет. Но годы не столько его — Высокий, красивый, с прямой осанкой, он по-прежнему выглядит молодо и подтянуто.

Художник, оператор, режиссер, литератор — в каждой из этих профессий Алисаттар Алескеревич проявил себя сполна. Это он снял как оператор завоевавший мировую славу «Аршин мал алан», остросюжетный фильм «На дальних берегах». Это его глазами мы смотрели первую цветную азербайджанскую ленту «Не та, так эта».

А когда стал режиссером, первым подарил азербайджанскому экрану Сказку, и малыши полюбили его таинственные истории: «Тайна старой крепости», «Волшебный халат», «Гариб в стране джинов».

Вот уже десяток лет детвора читает его книги, сказки. А недавно в Московском доме кино состоялась художественная выставка его живописных работ, тепло принятая москвичами.

Рассказ, который предлагается вашему вниманию, навеян первой встречей с Алисаттаром Алескеревичем. Встречей, возможно, сыгравшей в моей жизни определенную роль, зародившей интерес к кино.

— Сейчас же спать, а то дядя Алисаттар отменит съемку, — сказала мама.

Тофик плюхнулся в кровать, зажурил глаза. Но под веками что-то продолжало двигаться — сразу видно, он не спит.

Дядя Алисаттар — сосед. Он работает в кино. Он самый главный там. На днях ребята были у него в гостях. Он рассказывал про меч Фатали-хана, коня Бабека, даже подарил несколько кадров из своих фильмов. Тофик слышал, как он сказал маме, что завтра в сквере будет киносъемка и ему хотелось бы снять ребят в кино. Он так и сказал: «Разрешите снять ваших ребят». Это значит Тофика, Адика и Мурадича. Здорово! Потом можно увидеть себя на экране. Все увидят. И ребята из двора тоже.

Не успели они заснуть, как показалось Тофику, а мама их уже будит:

— Вставайте! Живо! Съемку проспите.

Тофик не узнал сквер, в котором они играли каждый день. Скамейки стали голубыми, дорожки вычищены, трава подстрижена. Только памятник не изменился: как сидел на пьедестале Мирза Фатали Ахундов, так и остался сидеть. Зато вокруг него появились осветительные приборы. Несколько человек держали большие щиты, похожие на зеркала. Солнце, отражаясь в них, слепило так, что глазам было больно.

Какой-то человек с черными усами попросил маму отойти

в сторону. Она молча ушла за ограду, где толпились любопытные.

У Тофика испортилось настроение. Как просто было у фотографа, можно сниматься втроем, впятером, хоть вдесятером! А здесь... Мама машет из-за спины милиционера, но Тофик знает, ей не весело. И ему стало неинтересно.

Человек с усами посадил Тофика на скамейку, сунул книгу «будешь читать, когда начнется съемка». Адика и Мурадича попросили взяться за руки и прогуливаться по аллее, когда скажут.

Ах, вот он какой, киноаппарат. Ничего особенного, железная коробка с цветными стеклами впереди. Сбоку — кнопка, на которую нажимает дядя Алисаттар.

Адик с Мурадичем стояли на солнышке. Тофику лучше — он сидел в тени, рядом разговаривают девочки. Одна из них протянула ему конфету. Он положил конфету в рот и вдруг представил, как оттопырилась щека. Значит, на экране он может получиться криком? Тофик поспешно разгрыз монпансье, громкий хруст рассмешил девочек.

Почему не снимают? Почему смотрят на солнце? Что ждут? Дядя Алисаттар даже надел темные очки. Тофик вспомнил, как мама коптила стеклышки, чтобы они увидели затмение солнца. Неужели будет затмение? В два прыжка он очутился на аллее. Помощники режиссера еле усадили его на место.

Тофик делал вид, что чита-

ет, а сам подглядывал из-под книжки. Поехала тележка с камерой, пошли по аллее люди, пионеры подняли головы перед памятником. Адик с Мурадичем продолжали подбирать камни, словно съемка не началась.

— Стоп! — сказал дядя Алисаттар. — Адик, займи место Тофика. А ты будешь идти рядом с Мурадичем. Только не отвлекайтесь.

Снова с трудом оторвал Мурадича от камешков, и они пошли прямо на камеру. Тофик заглянул в объектив и широко улыбнулся.

— Стоп!

Дядя Алисаттар объяснил, что в камеру смотреть ни в коем случае нельзя. Эх, совсем стало неинтересно. Тофик так старался. В фотоателье его умоляли улыбнуться. А здесь... — «Молоко», — сказал человек с усами, взглянув на небо.

— Где молоко? — спросил Тофик.

— В кино говорят «молоко», когда облака закрывают солнце, — засмеялись «усики».

— Солнце! Приготовились! Начали! — дядя Алисаттар нажал на кнопку. Пошли люди, пионеры подняли головы, а Тофик никак не мог сдвинуть Мурадича, пришлось поднять его вместе с камнями.

— Стоп!

От грозного тона соседа Тофику стало не по себе. Все возвратились на свои места. Все, кроме Мурадича. Его посадили на тележку рядом с дядей Алисаттаром, чтобы он

«не лез в кадр». Вместо Мурада поставили Адика.

— Я хочу идти с левой стороны, — сказал Адик.

— Пожалуйста, — согласился Тофик. Он сразу понял, что Адик хочет быть поближе к аппарату. Не все ли равно, если нельзя смотреть в объектив?

Наконец-то Тофик с Адиком идут, как надо. Всего-то несколько шагов до белой линии.

— Стоп!

Помощники дяди Алисаттара бросились к камере.

— Фильтр исчез!

— А кто это? — спросил Тофик.

— Не кто, а что. Цветное стеклышко, которое было на объективе футляра и коробки, что стояли рядом. — Взгляд его уперся в оттопыренные карманы штанов Мурада. Он молча вывернул карманы. Посыпались камешки, пуговицы, монеты и — как стыдно! — цветное стеклышко с киноаппарата.

«Усики» отвели Мурада к маме за ограду. Светит солнце, едет камера, идут люди, только три пионера смотрят на памятник, и Тофик с Адиком делают свои шесть шагов до белой линии. Съемка закончена.

Почти год ребята ждали фильм. Наконец, дядя Алисаттар сказал, что скоро он появится на экране. Прошел месяц, еще две недели.

Они сидят в темном зале. На экране мелькают знакомые улицы, такие умытые и нарядные. Какой красивый памятник! Так это же Мирза Фатали Ахундов, на него смотрят пионеры. По солнечной аллее идут девочки с портфелями в руках... И все.

— А где же мы?!

— Вы шли за девочками, — сказал дядя Алисаттар, — разве вы не заметили ваши ноги?

Это был первый фильм, в котором они приняли участие. Но не последний. Через много лет Тофик станет режиссером, Адик — художником, а Мурадич — оператором.

Расим ИСМАЙЛОВ,
режиссер.